

УДК 94-054(470.44)083/.084.5

ПОДДАННЫЕ ЦЕНТРАЛЬНЫХ ДЕРЖАВ В САРАТОВСКОМ ПОВОЛЖЬЕ: ПРЕВРАТНОСТИ 1914 ГОДА

А. В. Калякина

Саратовский государственный университет
E-mail: Kalyakinaav@gmail.com

В статье рассматривается немногочисленная и довольно специфическая группа населения Саратовской губернии – подданные Центральных держав, проживавшие на её территории. Особое внимание уделено реконструкции событий, последовавших в их жизни после начала Первой мировой войны. Восстанавливается хронология административных мероприятий в отношении этой группы населения.

Ключевые слова: подданные Центральных держав, Первая мировая война, Саратовское Поволжье.

The Central Powers Citizens in the Saratov Region: the Reverses of the Year 1914

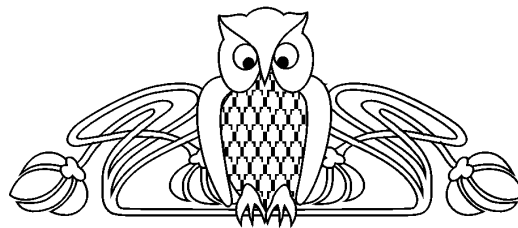
A. V. Kalyakina

This article is devoted to the analyses of not numerous and very specific population group of the Saratov province – the citizens of the Central Powers, who stayed on the province's territory without changing their citizenship. Special attention is paid to the reconstruction of those events, which occurred in their lives after the beginning of World War I. The chronology of administrative actions taken in respect of that population group is being reestablished.

Key words: Central Powers citizens, World War I, Saratov Region.

В отечественном историописании Первая мировая война всегда несколько терялась за громадой Октябрьской революции и последовавшей Гражданской войной. Особенно характерным такое положение было для советской эпохи. В постсоветское же время ситуация стала заметно выправляться – появился целый ряд исследований, которые восполнили существовавшие пробелы¹. Тем не менее сохранилось значительное число вопросов, которые и сегодня исследованы в недостаточной степени.

К примеру, до сих пор нет полной ясности относительно пребывания подданных Центральных держав² на территории России. Здесь стоит пояснить, что помимо лиц, имевших статус военнопленных, в эту группу включается и мирное население, проживавшее в Российской империи при сохранении иностранного подданства. При более внимательном рассмотрении можно легко заметить, как сильно разнятся две эти категории по численному составу, роду занятий и своей дальнейшей судьбе. Кроме того, если о первой категории – военнопленных – существует значительное число публикаций, а исследовательская работа не прекращается на протяжении последних

90 лет³, то к гражданским лицам такого интереса со стороны историков никогда не было.

Следует сказать, что разработка комплекса обозначенных вопросов в современной историографии ведется в основном на региональном уровне. В ряде областей современной России уже проделана солидная поисковая работа – в первую очередь это касается Урала, Сибири и Дальнего Востока⁴. Однако в рамках Саратовского Поволжья подобные исследования не проводились⁵.

Поэтому было решено восполнить этот пробел в истории края и провести изучение означенных вопросов на материалах нашего региона. В рамках настоящей статьи будет рассмотрен один из аспектов данной темы – пребывание в Саратовской губернии подданных Центральных держав и изменения в их судьбе, произошедшие в результате начала войны. Дополнительной исследовательской задачей станет восстановление хронологической последовательности административных мероприятий, проведенных властями по отношению к германским и австро-венгерским подданным.

Нынешнее исследование логично было бы начать с ряда правомерных вопросов – кем были эти иностранные подданные, как они попали в Саратовскую губернию, каков был род их занятий? В общем виде ответ на эти вопросы может быть следующим: большинство этих людей приехало в Россию на заработки, затем закрепилось и осело в Поволжье. Определенную долю среди них составляли квалифицированные работники специфических профессий (конкретные примеры будут приведены ниже) – их специально приглашали из-за рубежа для организации и руководства предприятиями региона.

Как известно, Саратовское Поволжье еще с середины XVIII в. стало местом поселения и жизни немецких колонистов⁶. К началу XX в. поволжские немцы стали восприниматься как неотъемлемая часть культурного и национального многообразия края. Кроме того, именно эта часть населения значительным образом влияла на его экономическое развитие.

Вероятно, именно эта особая атмосфера и благоприятный социальный климат располагали подданных Германской и Австро-Венгерской империй к приезду в Поволжье. Множество выходцев из этих держав приезжало в губернию и жило здесь годами, а многие – даже десятилетиями. При этом они не принимали российского подданства и нередко сохраняли крепкие связи

с родиной. Хотя были и те, кто лишь формально мог быть причислен к иностранцам, – об их происхождении свидетельствовал лишь паспорт. Дети в таких семьях получали русские имена и без труда говорили на языке титульной нации. Семьи, придерживавшиеся первой стратегии поведения, обычно отправляли сыновей в Германию отбывать военную службу. Вторые же этой повинностью могли пренебречь. Проиллюстрировать сказанное могут истории семей Бернард и Мейер.

Первое семейство, состоявшее из Эмиля Бернарда и его жены, приехало в Россию из Страсбурга в 1869 г. на строительство железной дороги Саратов – Тамбов. В 1887 г. в семье появился первенец, названный Теофилом, который автоматически получил немецкое подданство. Теофил всю свою жизнь прожил в России, однако в назначенный срок отбыл на 4 года в Германию для прохождения военной службы во флоте. Таким образом, он формально сохранял полноценную связь с Германией, хотя ни до, ни после этой поездки в стране не бывал⁷. С учетом значительного срока проживания в России единственным препятствием к переходу в разряд российских подданных был страх потери «всех прав и пособий».

Что же касается Карла Мейера, то он приехал из Саксонии в 1896 г. также для строительства железной дороги, точнее – московско-киевско-воронежской линии. В Саратов эта семья приехала не сразу. Пока Карл работал на строительстве железных дорог, им не раз приходилось менять место жительства. В нашем городе они поселились лишь тогда, когда он, оставив службу, стал преподавать ремесло художественнойковки в Александровском ремесленном училище. Эти и другие подробности семейной биографии становятся известны из письма супруги Карла, Ольги Мейер, адресованного в канцелярию саратовского губернатора с просьбой повлиять на судьбу мужа. Далее она пишет: «... как мать семьи, русская по рождению и воспитанию, я могла воспитать детей своих только в русском духе и теперь совершенно поражена упавшим на наши головы несчастьем без нашей вины. Я совершенно не знаю куда мне с малолетними детьми преклонить голову: среди немцев мы русские, а среди русских – Германские подданные»⁸.

Стоит сказать, что подобное мироощущение было типичным для иностранных подданных, которые провели в чужой для них стране долгое время.

Особое значение факт подданства приобрел с началом военных действий. 18 июля (даты приводятся по старому стилю, соответственно начало войны следует относить к 19 июля), то есть на следующий день после появления первых известий о начале австро-сербской войны и мобилизации российской армии, Саратов срочно покинул консул, передав дела по защите германских подданных американскому консулу в Ростове-на

Дону⁹. При этом в городе остался вице-консул, г-н Эрт, которого здесь удерживал имущественный вопрос: он владел заводом, торговым домом и домовладениями. А они, в свою очередь, требовали его участия в делах. Почти сразу же был установлен надзор за деятельностью и сношениями иностранных подданных. А 26 июля появился приказ министра иностранных дел, предписывающий арестовать всех германских и австро-венгерских подданных, числящихся на действительной военной службе, а также в частях запаса¹⁰. В отношении мирных немцев и австрийцев специально оговаривалась возможность для них остаться на местах или выехать за границу. Но уже 29 июля, с объявлением державами противоборствующего блока призыва в армию всех годных к военной службе, изменились и предписания МВД. Теперь оно инициировало экстренное заключение под стражу всех лиц мужского пола от 18 до 45 лет с последующей высылкой в Вятскую, Вологодскую и Оренбургскую губернии¹¹. А остающиеся на местах благонадежные лица обязаны были дать подписку о невыезде.

В этот же день губернаторская канцелярия начинает сбор сведений о задержанных в уездах германских и австро-венгерских подданных. Таковых в Камышинском уезде оказывается 11 человек, в Кузнецке – 3, в Царицыне – 15, в Хвалынском уезде – 1, в Вольском – 3, в Сердобском – 2, в Аткарском – 1 человек¹². Из самого Саратова к 29 июля было выслано уже 29 человек, а в ночь на 30 июля задержано еще 95 немецких и австрийских подданных. Кроме того, в последующие дни был арестован еще 41 человек¹³. Всего в губернии было выявлено и арестовано свыше 200 подданных враждебных государств.

Министерство внутренних дел прилежно составляло и корректировало списки арестованных в губернии. Сегодня эти списки могут представить исследователю ценные сведения об иностранных подданных, поскольку о названных там людях составлялась краткая биографическая справка. Она дает возможность исследовать возрастной состав данной группы лиц, а также получить представление об их профессиональной принадлежности. Как видно из этих сведений, после приезда в Россию немецким и австро-венгерским подданным часто приходилось работать пивоварами, монтерами, садовниками, кондитерами, музыкантами, участвовать в строительстве железных дорог¹⁴. Многие занимались частным предпринимательством. Так, иностранными подданными были владельцы оружейных магазинов Трейбаль и Онезорге, владелица шляпочного магазина Ботлик, владельцы завода и склада земледельческих орудий Эрт, владелец каретного заведения Нейман и многие другие деятели губернии. Кроме того, не имея российского паспорта, в губернии проживали: доктор в области химии Георг Банд, художник Карл Лутц, несколько студентов Саратовского и Санкт-Петербургского университетов, несколько

управляющих крупными предприятиями губернии, служащие ряда контор города.

В соответствии с предписанием МВД в конце июля во всех населенных пунктах губернии производилась массовая проверка документов и такие же массовые аресты иностранцев. Побочным следствием этих арестов стал тот факт, что ряд предприятий губернии остался без ключевых фигур в управленческом аппарате. Под арестом оказались служащие таких крупных предприятий, как завод Гантке, ткацкая фабрика в г. Кузнецке, завод и торговый дом Эрт, трамвайное управление, контора Зингер и проч. Интересно, что трудовые коллективы и лично владельцы предприятий пытались воспрепятствовать высылке своих сотрудников. Именно так поступили служащие завода Гантке, развернув кампанию по сбору подписей и ходатайств в адрес губернатора против выдворения Станислава Меленцкого – управляющего названного завода. Данная акция не осталась без внимания – Меленцкий был освобожден. Решающим фактором, однако, стало тяжелое состояние его здоровья. Как говорилось в ходатайстве, Меленцкий долгое время прожил в России и неоднократно пытался перейти в российское подданство, но не сделал этого потому, что при смене паспорта был бы причислен к мещанскому сословию, в то время как по рождению он являлся дворянином и хотел бы пользоваться своими законными привилегиями¹⁵.

Нужно упомянуть еще одну интересную деталь: со 2 августа 1914 г. по просьбе французского посольства для уроженцев Эльзаса и Лотарингии вводится особый режим пребывания в России¹⁶. Для людей, способных подтвердить свое происхождение соответствующими документами, отныне теряли силу правила, действующие в отношении немцев и австро-венгров. Распространение на этих лиц режима, применяемого к союзническим подданным, означало юридическое уравнение уроженцев двух названных регионов с подданными Франции.

С той же даты вступили в силу особые условия для чехов и представителей прочих славянских народов. В случае если они изъявляли желание принять российское подданство, их надлежало немедленно освободить¹⁷. Эти меры вполне вписываются в общую канву распоряжений Главного управления Генерального штаба – переместить всех немцев, австро-венгров и венгров за Урал. Чехов и других славян следовало оставить на европейской территории России¹⁸. В этих действиях можно увидеть проявление господствовавшей в то время в обществе панславистской доктрины. В соответствии с этими воззрениями славянские народности были лояльны Российской империи по зову крови, поэтому их рассматривали как заведомо благонадежных лиц.

Касательно военнопленных нужно отметить, что в рассматриваемый период в Саратовской губернии их было не так много. Пленных бой-

цов перевозили в удаленные от полей сражений губернии. Здесь, как и с гражданскими лицами, действовала следующая закономерность: немцы оказывались за Уралом, а славяне оставались в западных губерниях. Единственным исключением из этого правила становились тяжело раненные и больные пленные. Их размещали в саратовском эвакуационном пункте наравне с ранеными русскими солдатами. Так, за август 1914 г. саратовский эвакуационный пункт принял 903 военнопленных¹⁹. Причем на всем пути следования пленные содержались в одних вагонах с русскими. Сохранились занятые свидетельства солдат о том, что пленным предоставлялись лучшие уход и содержание, чем русским. Возможно, причиной этому служило особое внимание губернатора, наблюдавшего за размещением военнопленных и периодически совершавшего поездки в города губернии вместе с врачебным инспектором.

В последующие годы ситуация будет значительно меняться – пленные из зауральских губерний будут перемещены в европейскую часть России, где их труд будет использоваться в сельском хозяйстве²⁰. К тому же к числу военнопленных добавятся многочисленные беженцы из районов боевых действий – в том числе и иностранные подданные. Однако дальнейшее развитие ситуации в регионе уже выходит за хронологические рамки, обозначенные в данной статье.

Попытаемся подвести некоторые итоги. Как показала работа с архивными материалами, в Саратовской губернии к началу Первой мировой войны проживало довольно значительное число подданных стран – участниц Четверного союза. По роду своих занятий они относились к дипломатической миссии в Поволжье или были приглашенными специалистами в узких областях производства. Небольшую часть этих подданных составляли люди творческих профессий и работники умственного труда. Многие из них проживали в губернии на протяжении многих десятилетий, обзаводились здесь собственным жильем и семьями. Начало Первой мировой войны ознаменовалось для немецких и австро-венгерских подданных волной арестов, обысками, переселением в другие губернии. Эти меры навсегда меняли привычный ход жизни этих людей. В большинстве случаев за высланными мужчинами следовали жены или целые семьи. Стоит также упомянуть, что большинство этих подданных возбуждало ходатайства о зачислении в подданные Российской империи и в ряде случаев был получен положительный ответ. На особом положении находились выходцы из Эльзаса и Лотарингии, а также славяне. В отношении этих групп действовал особый режим пребывания – им не грозило переселение в другие губернии, надзор за ними также не производился.

Что же касается военнопленных, то в 1914 г. в Саратовском Поволжье находились лишь раненные и больные – те, кому требовалась неот-

ложная медицинская помощь. Содержание и уход за ними осуществлялись в тех же лазаретах и на том же уровне, что и уход за ранеными русскими бойцами.

Примечания

- ¹ См., напр.: Мировые войны XX века. Т. I. Первая мировая война. Исторический очерк. М., 2002.
- ² Под термином «Центральные державы» (нем. *Mittelmächte*) понимается военно-политический блок государств, противостоявших державам Антанты в Первой мировой войне 1914–1918 гг. В состав блока входили Германская империя, Австро-Венгерская империя, Османская империя и Болгарское царство (с 1915 г.).
- ³ Их пребывание в России уже довольно основательно изучено, дальнейшая судьба во многих случаях прослежена. При этом особенно хорошо известны роль и вклад военнопленных в революционные события и Гражданскую войну 1917–1921 гг., ведь именно этой теме были в основном посвящены работы ученых советского периода, которые изучали участие «интернационалистов» в Гражданской войне. Подробнее см.: *Журбина Н. Е.* Военнопленные Германии на территории России в годы Первой мировой войны (1914–1918 гг.) // Вестн. ВГУ. Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2008. № 2. С. 230–235; *Клеванский А. Х.* Некоторые нерешенные проблемы истории военнопленных и интернационалистского движения. М., 1967; *Муратов И.* Из истории интернациональных формирований в СССР в 1918–1922 годах (Обзор литературы) // Военно-исторический журнал. 1960. № 5. С. 19–21. О численности пленных Первой мировой войны в России см.: *Суржикова Н. В.* К вопросу о численности военнопленных Первой мировой войны в России и на Урале // Россия в войнах начала XX века: докл. науч. конф. Екатеринбург, 2005. С. 282–305.
- ⁴ См., напр.: *Греков Н. В.* Германские и австрийские пленные в Сибири (1914–1917) // Немцы. Россия. Сибирь: сб. ст. Омск, 1997; *Иконникова Т. Я.* Военнопленные Первой мировой войны на Дальнем Востоке России (1914–1918 гг.). Хабаровск, 2004; *Шлейхер И. И.* Военнопленные Первой мировой войны: проблемы пленения, транспортировки и содержания в сибирских лагерях // Из прошлого Сибири. Новосибирск, 2001. Вып. 4, ч. 1. С. 54–97; *Он же.* Военнопленные стран Четверного союза в Сибири: некоторые вопросы транспортировки и содержания в лагерях // Военно-исторические исследования в Поволжье: сб. науч. тр. Саратов, 2005. Вып. 6. С. 78–90.
- ⁵ Отрывочные упоминания о военнопленных встречаются в следующих работах: *Дёнингдауз В.* Революция, реформа и война: немцы Поволжья в период заката Российской империи. Саратов, 2008. С. 164–166; *Максимов Е. К., Тотфалушин В. П.* Саратовское Поволжье в годы Первой мировой войны. Саратов, 2007. С. 31–37; *Очерки истории Саратовского Поволжья (1894–1917).* Саратов, 1999. Т. 2, ч. 2. С. 285, 290, 293–294, 300, 337–338.
- ⁶ См.: *Плеве И. Р.* Немецкие колонии на Волге во второй половине XVIII века. М., 2008.
- ⁷ ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 9450. Л. 140–141.
- ⁸ Там же. Л. 122.
- ⁹ См.: *Очерки истории Саратовского Поволжья.* С. 284.
- ¹⁰ ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 9450. Л. 3.
- ¹¹ Там же. Л. 6.
- ¹² Там же. Л. 14, 18, 19, 26–28, 33, 35–36, 38, 40–49.
- ¹³ Там же. Л. 60–64; 69; 72; 75–76; 119–120.
- ¹⁴ Там же. Л. 169–170.
- ¹⁵ Там же. Л. 50–53.
- ¹⁶ Там же. Л. 134.
- ¹⁷ Там же. Л. 147.
- ¹⁸ См.: *Шлейхер И. И.* Военнопленные стран Четверного союза в Сибири. С. 82–83.
- ¹⁹ См.: *Очерки истории Саратовского Поволжья.* С. 293.
- ²⁰ В 1915 г. число военнопленных в губернии достигнет 23 тыс. чел. См.: *Очерки истории Саратовского Поволжья.* С. 300.